

ДВА ИМЕНИ

2006

1. Единый поток и моменты истины в развитии философско-правовой мысли

Формирование и развитие наиболее высокой степени в области юридических знаний, именуемой «философией права», происходит в тесном единении философии и правоведения, истории философской и правоведческой мысли в целом.

Как справедливо отмечено в современной философской литературе, предметом философии права «является методологический универсализм правовой науки, рефлексия ее духовных оснований, полный контекст которых не может быть прерогативой какой-то избранной философской системы»¹.

История духовной, интеллектуальной жизни общества, в наше время — новейшая история (начиная с возрожденческой культуры, особенно — эпохи Просвещения) свидетельствуют, что мыслители-философы и теоретики права, освобождаясь от обаяния мифологии, императивов и иллюзий правовой идеологии, шаг за шагом продвигались вперед по пути постижения права как мирозданческого явления, его природы и особенностей, его смысла и назначения с точки зрения основ человеческого бытия.

И вот здесь отчетливо вырисовывается *единый поток* формирования и развития философии права. Причем — поток, который имеет *два направления или ответвления* (они нередко далеко отходят один от другого, но в конечном счете все же сходятся в единое русло).

Основу одного направления потока образуют *развитие и углубление философских идей*, затрагивающих явления в области права. Здесь, при всем разнообразии философских систем и методологических подходов к действительности, *философская мысль движется и развивается в направлении постижения и утверждения в области права гуманитарных ценностей*.

Другое направление в развитии философии права — это *углубление аналитической юриспруденции, юридической мысли, и на уровне юридической догматики, а затем, уже в нынешнее время, и на уровне всего комплекса правовых средств, специфической логики права*.

¹ Малинова И.П. Философия права (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург, 1995. С. 4.

Эти два направления развития познавательного человеческого духа в области правовых знаний начиная с эпохи Просвещения, несмотря на «разрыв», стали со временем «входить в контакт», сближаться, перекрещиваться, накладываться друг на друга, интегрируясь либо в отдельные философские разработки догмы права, либо в единую целостную концепцию (такие, как концепция правовых средств), либо непосредственно в философско-правовую проблематику (философию права).

Вместе с тем единый поток мыслей и идей, философских и правоведческих, отличающийся в целом постепенным «вхождением в контакт», взаимообогащением, порой как бы взрывается бурным развитием, прорывами в постижении истины. И как раз в таком «взрывном» развитии порой происходят своего рода *озарения*, счастливые для человеческого духа, разума мгновения, когда в области рассматриваемых знаний встречаются размышления и идеи крупных мыслителей обоих сближающихся направлений – и «из философии», и «из правоведения».

Таковыми озарениями в философском постижении права, ключевыми звеньями – звездочками в раскрытии его смысла и предназначения стали, на мой взгляд, идеи двух мыслителей последних столетий – Иммануила Канта и Иосифа Алексеевича Покровского.

2. ДВИЖЕНИЕ НАВСТРЕЧУ ДРУГ ДРУГУ

То обстоятельство, что два «имени», имеющие отношение к философии и праву, поставлены не только в одну строку, но рядом, притом – только они одни! – наверняка покажется читателю неожиданным и странным, выдающим сугубо личные авторские пристрастия.

Что ж, личностный момент здесь присутствует. Быть может, скажем так, очень личностный (автор этих строк, сообразно давней семейной традиции – почитатель философии И. Канта и одновременно ученик правоведов-цивилистов, которые, в свою очередь, были если не сотрудниками, то также учениками и последователями И.А. Покровского). Но главное здесь – основания принципиально научного порядка, впрочем, также отражающие, не скрою, особенности авторских взглядов на правовую материю, правовые ценности. И в этой связи должен заметить, что сделанный в данной книге выбор «имен» и сопряженное с ними видение философско-правовой проблематики не претендуют

ни на исключительность, ни на то, чтобы хотя бы в малейшей степени умалить значимость иных научных подходов, опирающихся на идеи других мыслителей.

Но вернемся к И. Канту и И.А. Покровскому.

Да, Кант и Покровский – мыслители и люди очень разные. Далекие по времени эпохи, Кант – конец XVIII в., И.А. Покровский – начало XX в. Дистанция – полтора столетия. Несоизмерим общественный статус. Один, Кант (1724–1804), великий философ, основатель немецкой классической философии, уже при жизни признанный гением философской мысли – заслуженное признание, сохранившееся до сей поры. Другой, И.А. Покровский (1868–1920), чуть ли не рядовой «зав. кафедрой», профессор-правовед, не очень то известный в мире, специалист по одной из отраслей юридических знаний – цивилистике, даже сейчас, в нынешнее российское время, когда на шит поднимаются все заметные дореволюционные юристы, далеко не всегда упоминаемый нашими коллегами-гуманитариями, да и нами, современными специалистами по правоведению¹.

¹ Достоинство доброй оценки то обстоятельство, что в настоящее время в российской гуманитарной, в том числе юридической науке неизменно делаются ссылки на выдающихся дореволюционных правоведов – таких, как Б. Чичерин, Б. Кистяковский, П. Новгородцев, Л. Петражицкий, С. Гессен, С. Котляревский, В. Муравьев.

Вызывает, однако, сожаление, что подчас такого рода ссылки замыкаются указанной «обоймой имен» и не идут дальше приведения выдержек из сочинений упомянутых авторов. Между тем суть дела в оценке трудов наших предшественников – в восприятии *передового либерального духа* замечательных русских правоведов, в понимании того *уровня философского осмысления социальной и правовой действительности*, которого они достигли ко времени трагического Октябрьского большевистского переворота.

Особо прискорбно, что за пределами указанной «обоймы» остается имя выдающегося русского цивилиста, правоведа-мыслителя, который наиболее значительно продвинулся вперед в философском понимании права (и который через своих теоретических приверженцев и последователей оказал прямое влияние на творческие поиски правоведов в советское время), – Иосифа Алексеевича Покровского. Как верно заметил автор блестящей вступительной статьи к книге И.А. Покровского «Основные проблемы гражданского права» А.Л. Маковский, эта книга «принадлежит к числу самых блистательных произведений юридической науки» и должна быть поставлена «в один ряд» с трудами Иеринга, Дюги, Кельзена (*Маковский А.Л. Выпавшее звено // Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 3*).

Весьма примечательно, что в сборнике статей ведущих российских правоведов, подготовленном к печати летом 1918 г. (но в то время не опубликованном) под названием «Из глубины», уже в наши дни на первом месте в одном из современных изданий (Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России. Екатеринбург, 2000. С. 117–119) выделен и многократно цитируем именно И.А. Покровский.

В то же время и И. Кант, и И.А. Покровский — в чем-то необыкновенно важным очень близкие, на мой взгляд, наиболее близкие (во всяком случае по философско-правовой проблематике) мыслители. И даже — люди. Скромная профессорская жизнь в университетах, фанатичный творческий труд, без претензий на посты, чины, на близость к властным персонам. И, увы, уход из жизни — у одного в болезни, тяжело угасании интеллектуальных сил, у другого — в житейской мученической жизни в пору военного коммунизма, у порога дома с вязанкой дров за плечами.

Наконец, роковая схожесть судеб творческих свершений по философии права: гигантская кантоведческая литература до сих пор не отдала должного великому немецкому философу именно по вопросам права (даже сейчас, в дни двухсотлетия его ухода из жизни). А имя И.А. Покровского, опубликовавшего свой главный труд в июне 1917 г., за несколько месяцев до Октябрьского большевистского переворота (ужас которого, по сути дела, и предвещала книга профессора-цивилиста), было дискредитировано большевиками, предано забвению.

Между тем возьму на себя ответственность сказать, что нет ни одного философа последних двух столетий и нет ни одного юриста прошедшего и нынешнего века, которые бы — как Кант и И.А. Покровский — каждый со своих творческих позиций — «сблизили» с мировоззренческой стороны философию и правоведение и разработали столь глубокие фундаментальные философско-правовые идеи для понимания смысла и назначения права в жизни людей в современную эпоху — эпоху, будем верить, утверждения последовательно демократических цивилизаций, свободного общества свободных людей, благополучия и солидарности людей.

Не потому ли это произошло, что оба мыслителя, жившие в разное время, оказались на переломе истории: один (Кант) в годы Великой французской революции, открывшей эпоху последовательно демократических («либеральных») цивилизаций, другой (И.А. Покровский) в годы, когда капитализм, не облагороженный началами гуманизма и права, попал в полосу углубляющегося кризиса, стал все более и более заходить в тупик и, более того, даже качнулся от идеалов права в сторону силовых методов, возвеличивания военно-карательных учреждений и спецслужб? И не потому ли — отмечу момент, с моей точки зрения, высшей важности — их идеи столь общественно значимы, что и И. Кант, и И.А. Покровский хорошо, досконально знали (если угодно, «ощущали») право, его конкрети-

ку, данные и достижения юридической культуры. И потому своим творчеством подтвердили определяющую черту философии права как особой области знаний — к одним и тем же ценностям и идеалам шли оба мыслителя. Только один «сверху» — с высот философской мысли, другой — «снизу», из самой толщи юридической материи, живого юридического бытия цивилистики. А итоговые выводы, в сущности, одни и те же.

Отсюда — единство взглядов И. Канта и И.А. Покровского по ряду принципиальных философско-правовых проблем (таких, как понимание позитивного права как жесткой реальности, признание высокой значимости «закона», его единства с правом, выводы о самоценности человека, намного опередившие время). И главное — у того и другого мыслителя есть центральный пункт в идеях, которые красной нитью проходят через их воззрение на право. Это — *правовая оценка личности, отдельного человека, его достоинства, высокого статуса и неотъемлемых прав*.

У Иммануила Канта такой подход стал основой его грандиозной идеи о праве человека как объективном праве (об этом ранее уже шла речь). У Иосифа Алексеевича Покровского этот же самый пункт в научных воззрениях получил развитие в виде углубленной трактовки положений о правах человека, раскрывающейся «в праве на самоценность личности», «в праве на ее индивидуальность»¹ (об этом несколько подробнее дальше). Важность этой идеи, до сей поры совершенно недооцененной в науке и юридико-политической практике, как и то обстоятельство, что Покровский, на мой взгляд, наиболее последовательный и строгий среди всех своих знаменитых коллег на юридическом поприще сторонник истинно либеральных взглядов в современном их понимании².

И еще один штрих в творчестве И.А. Покровского, имеющий, быть может, значимость — увы, также до сих пор по-настоящему не понятого — предупреждения нашим нынешним радикальным реформаторам, возмечтавшим одним прыжком, по-большевистски, при помощи силы власти, оказаться в «настоящем передовом капитализме» (рывок был сделан, но капитализм, стыдливо именуемый «рынком», на деле оказался капитализмом нагло-разбойничьим, криминальным). Это — необходимость единства действитель-

¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. С. 121.

² См.: Редькин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1989. С. 395–396; Малинова И.П. Философия права (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург, 1995. С. 14–17.

ной свободы человека и настоящей человеческой солидарности *на основе права*. Идея подлинной человеческой солидарности («солидарности» не по Л. Дюги, отрицавшего субъективные права вообще, а — настоящей, истинно человеческой, солидарности по И.А. Покровскому) также осталась неоцененной в науке. Хотя — надо заметить — практически после Великой депрессии, поставившей капитализм на грань тотальной катастрофы, и после Второй мировой войны, предотвратившей деградацию и истребление человечества тоталитарными режимами, именно она, идея действительной человеческой солидарности, а также идея верховенства права воистину в кантовском его понимании утверждаются (хотя и не во всем и не всегда последовательно) в передовых демократических странах. Увы, после 2001 г. с немалыми сбоями, вызванными недооценкой права и односторонне (по-имперски) трактуемыми процессами борьбы с международным терроризмом¹.

3. КАНТ О ПРАВЕ: ИДЕИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

По утверждению Канта, право в мироздании, в существовании, в бытии и развитии человечества представляет собой *цель общества, находящегося в гражданском состоянии*².

Кант утверждает нечто большее. Под углом зрения исповедуемых им мировоззренческих позиций гражданское устройство, воплощающее право, которое «само по себе есть цель», составляет, по Канту, «безусловный и первейший долг во всех вообще внешних отношениях между людьми»³. В другом месте философ говорит о том, что право выступает для людей в качестве их «долга и надежды»⁴, а само оно, право, — это «высший принцип, из которого должны исходить все максимы, касающиеся общества»⁵, и что оно, право, призвано получить в обще-

¹ Из кн.: Восхождение к праву: Поиски и решения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2002. Гл. 10.

² Как полагает немецкий философ Б. Тушлинг, комментирующий философскую суть сочинений Канта, последний вообще «анализирует право как конечную цель человеческого рода» (*Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1: Трактаты и статьи (1784–1796). М., 1994. Предисл. С. 35).

³ *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1: Трактаты и статьи (1784–1796). М., 1994. С. 281.

⁴ Там же. С. 447.

⁵ Там же. 307.

стве «верховную власть»¹. Ну, и напомним слова Канта: право в том виде, в каком его представляет философ, — *это самое святое из того, что есть у Бога на Земле*².

Эти и другие суждения Канта о праве требуют обстоятельного разбора и оценки. Но об одном из положений, вытекающих из взглядов Канта, необходимо еще раз сказать особо.

Одно из самых существенных положений во взглядах Канта на право — это его трактовка данного социального феномена как *права человека* (или — по иной формулировке — «права людей») *как явления объективного права*. И следовательно, явления, которое находится в единении, сложном, противоречивом, но все же именно в единении с законом и которое в силу этого существует в качестве объективно реального, институционального образования, обладающего набором «сильных» качеств и свойств, делающих объективное право носителем значительной социальной энергетики, мощным фактором в общественной жизни, в жизни людей³.

Категория «*право человека*» («*право людей*»), рассматриваемая как объективное право, идея принципиально новаторская, передовая и для того времени, когда появились труды Канта, и, увы, для нынешнего времени. Она характеризует иную плоскость правовой действительности и ее понимания, нежели понятие «*права человека*», рассматриваемое в значении субъективных прав. Перед нами — определение, фиксирующее *принципиально новое качество права в новое время, права в условиях вступивших на историческую сцену и постепенно утверждающихся последовательно демократических цивилизаций*⁴.

¹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. С. 421.

² См. там же. С. 383.

³ И в подтверждение сказанного — ссылка на позицию Канта. Знаком юридического категориального аппарата и терминологии Кант в ряде случаев говорит именно о правах человека как о субъективных правах (прямо-таки классическим, буква в букву совпадающим с современными представлениями и с современной лексикой можно признать его положение о значении «этих прирожденных, необходимо принадлежащих человеку и неотчуждаемых прав»). В то же время он многократно, притом в соответствующем смысловом контексте, употребляет, казалось бы, эту же словесную формулировку — «право человека» в смысле объективного права и как совершенно равнозначное в аналогичных смысловых контекстах использует выражение — «право людей» (см.: Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. С. 452, 461, 475 и др.).

⁴ Автор этих строк использовал в работе по философии права (М., 1997) это обобщающее выражение, настойчиво вводимое, насколько мне известно, лишь Кантом, — «право человека». И хотя оно в упомянутой работе и получило некоторое авторское

Именно такой подход к праву современного гражданского общества, помимо всего другого, позволяет определить главные направления правового развития в нынешнюю эпоху и в то же время избежать упрощений, примитива, сугубо декларативных интерпретаций (на манер тех декларативных определений, которые ныне коснулись прав человека как сугубо субъективного феномена). Суть категории «право человека» — в том, что она характеризует данное явление *под углом зрения его органики, его юридической природы и правовых особенностей*, и значит — что особо существенно в практическом отношении — под углом зрения тех *юридических механизмов и правовых средств, которые через систему правоохранительных учреждений (прежде всего через систему правосудия) способны перевести устанавливаемое законом правовое положение людей в плоскость социальной реальности*.

Причем здесь сама эта органика права выступает в виде правовых начал, принципов, юридических конструкций, особенностей, выражающих *природу и логику права как мирозданческого явления*, т.е. — такого, которое включается в процесс развития человечества как сообщества разумных существ и занимает в этом процессе необходимое, без альтернативы, место.

Положение о «праве человека» если не итоговый, то во всяком случае один из итоговых философских выводов Канта в его взглядах на право, прямо подводящих к завершающим определениям и оценкам, в том числе и к положению о праве как цели гражданского общества.

С учетом характера реалий, свойственных обществу, которое только-только порывает с порядками и ценностями традиционных цивилизаций (процесс растягивается более чем на два столетия), взгляды Канта о праве *устремлены в будущее, к перспективе общественного развития, к обществу, которое он назвал «гражданским» и «правовым»*.

Не случайно и сам Кант связывал свои идеи о праве в основном с будущим, прямо говорил о том, что они свершатся лишь «в конце концов», «с большими трудностями», «медленно» и что они — наш долг и обоснованная надежда — «хотя бы только в бесконечном приближении»¹. Стало быть, абстрактный, устремленный в буду-

обоснование, но, к сожалению, по данному вопросу без должного соотнесения с общими философскими положениями и без развернутой констатации качественной грани между «правом человека» и «правами человека».

¹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. С. 420, 461, 477.

шее и даже романтически возвышенный характер взглядов Канта, касающихся права, — не свидетельство их утопичности, нечто близкое к мечте и фантазии, а всего лишь отражение своеобразия предмета этих взглядов — особенностей права, смысл и предназначение которого в полной мере сможет реализоваться в будущем по мере развития и реальном утверждении в жизни современного гражданского общества.

Именно соответствие взглядов Канта требованиям эпохи, плодотворная методология и вытекающая отсюда строгость выводов — все это придает взглядам философа основательную научность, убедительность — то, что (в отношении будущего) носит характер *научного прогноза* — взглядов, вполне обоснованно в данном случае *опережающих* действительность, факты сегодняшнего дня.

Вот почему Кант, отдавая себе отчет в сложностях, трудностях, постепенности реализации его теоретических выводов о праве, столь категорически говорит о том, что это непременно «будет», все же осуществится «в конце концов», что перед нами «обоснованная» надежда и что политике, основанной на праве, предназначено «блистать». И вот почему, по Канту, реальное торжество права, осуществление состояния публичного права — «хотя бы только в бесконечном приближении» — это наша обоснованная надежда и вместе с тем *наш долг*¹.

Ну, а готово ли современное общество, наше сознание воспринять идеальные и в чем-то романтические идеи Канта? Вопрос — острый для российского разрушенного и потрясенного общества. П.С. Гуревич пишет: «Кант предлагает, вразумляет, осмысливает. Однако готово ли современное потрясенное сознание воспринять идеальную мысль?»².

Кант, как бы предугадывая такого рода сомнения, сам отвечает на поставленный вопрос. «Не может, — говорит он, — считаться хорошим выражение: известный народ не созрел для свободы... Но при таких предположениях свобода никогда и не наступит, ибо для нее нельзя созреть, если предварительно не ввести людей в условия свободы (надо быть освобожденным, чтобы иметь возможность целесообразно пользоваться своими силами на свободе). Первые проявления свободолюбия могут, конечно, оказаться грубыми и обыкновенно сопровождаются большими затруднениями и опасностями,

¹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. С. 420, 461, 477.

² Гуревич П.С. Рецензия на сочинения Канта // Вопросы философии. 1995. № 11. С. 151.